

И. Спрогис

**Памятники латышского народного
творчества**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 304
ББК 60.5
И11

И11 **И. Спрогис**
Памятники латышского народного творчества / И. Спрогис – М.: Книга по Требованию, 2014. – 346 с.

ISBN 978-5-458-02003-9

Памятники латышского народного творчества

ISBN 978-5-458-02003-9

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2014
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2014

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

будни и праздники; пѣли за работою и во время отдыха. И пѣсня эта была такъ обширна, что обнимала весь миръ Латыша. Не было ни одного предмета въ Латышскомъ хозяйственномъ быту, даже въ кругу отвлеченныхъ понятій древняго Латыша, который бы не былъ обставленъ поэтическими образами. Такъ, земля, море, озеро, рѣка, дождь, снѣгъ, туманъ, вѣтеръ, гора; деревья: дубъ, липа, сосна, черемуха и проч.; травы, цвѣты, ягоды, домашнія растенія, какъ то: напоротникъ, метелка, земляника, брусника, розъ, ячмень, ленъ, капуста, картофель, и т. дал.; предметы изъ царства животнаго: рыбы, насекомыя, лѣсные и домашнія птицы, лѣсные звѣри и домашнія животныя: плотина, щука, пчела, муравей, соловей, куропатка, лебедь, кукушка, гѣтухъ, курица, медвѣдь, волкъ, лось, бѣлка, кунница, конь, корова, овца, коза, свинья, собака, кошка, и т. дал.; самъ человѣкъ: его рожденіе, младенчество, молодость, возмужалость, старость и смерть; его родственныя отношенія: отецъ, мать, сынъ, дочь, братъ, сестра, мачиха, невѣстка, деверь, и проч.; его общественное положеніе: царь, бояринъ, господинъ, староста, крестьянинъ, работникъ, хозяинъ и т. дал.; его занятія: посѣвъ, жатва, молотба, пряденіе, вышиванье, молотье, рубашка, сапоги, кафтанъ, столъ, стулъ, изба, и т. под.; небо, небесныя свѣтила: солнце, луна, звѣзды, вечерняя и утренняя звѣзды; миръ сверхчувственный, предметы мифологическіе: богъ, божья сынья, богиня счастья (лайме), богиня несчастія (нелайме), богиня — мать тѣсовъ (межа-мате), богиня — мать мертвецовъ (валю-мате), дочери солнца, и т. дал. Всѣ эти предметы, и безконечно многіе имъ подобныя, служили

для древняго Латыша, или лучше сказать, Латышки (потому что почти всѣ пѣсни происходятъ отъ ея лина) неисчерпаемою темою для поэтическаго вдохновенія и воспроизведенія народной пѣсни. Со всѣми этими предметами древняя Латышка ведетъ свою задушевную бесѣду; она смѣется, плачетъ съ ними, сѣтуетъ о своемъ завѣтномъ горѣ, проситъ у нихъ совѣта, помощи, добивается у нихъ будущаго. И приведенные предметы ни мало не отказываются принять участіе въ ея задушевной бесѣдѣ. Такъ, кукушка кукуетъ — сколько лѣтъ жить Латышкѣ, а полетомъ своимъ знаменуетъ — куда увезетъ ее суженный; синица приноситъ печальную вѣсть о томъ, что «милой братъ» ея пойдетъ на войну; конь погибшаго на войнѣ всадника приноситъ молодой женѣ, плачущей и вопрошающей у него — «куда дѣвался всадникъ?», — такой отвѣтъ:

Тамъ остался всадникъ,
Гдѣ лежать мужи, какъ дубы, —
Гдѣ изъ сабель складываютъ востры,
Изъ шапокъ мечуть стоги....
Не прошло и часу времени,
Двѣ рѣки потекли кровью,
Двѣ рѣки потекли кровью,
А третья горькими слезами!...

Солнышко, на спросъ пастушки:
Гдѣ медлило, что рано не вошло?
Даетъ дружескій отвѣтъ:
Я медлило за горою, согрѣвая сироту.
И такъ далѣе. —

Но когда же, поневолѣ рождается здѣсь вопросъ, было у Латышей это счастливое время поэзій? Судя потому, что большая часть сохранявшихся доселѣ въ устахъ народа пѣсенъ и другихъ памятниковъ народной словесности, носятъ на себѣ отпечатокъ понятій языческихъ, можно почти съ совершенною увѣренностью допустить, что это вре-

ми, главнѣйшимъ образомъ, относится къ той отдаленной, доисторической эпохѣ Латышской жизни, когда Латышская земля была еще совершенно свободна отъ нашествія иноземныхъ завоевателей. Тогда, станемъ снова продолжать нашу мысль словами древняго народнаго преданія, Латыши жили счастливѣе, чѣмъ нынѣ. Тогда все казалось полнымъ жизни и счастья: и небо было ясное, и солнце теплѣе, и воздухъ казался благораспорядителемъ; земля отличалась большимъ плодородіемъ, жатвы были изобильнѣе; процвѣтали промыслы пчеловодства, скотоводства и т. под.; вся чистая, дѣвственная природа, въ безконечномъ разнообразіи своихъ предметовъ, казалось, простерла тогда къ людямъ свои мирныя и полныя любви объятія. Самъ богъ, въ образѣ древняго старца, ходилъ по землѣ, освящая ее прикосновеніемъ своихъ божественныхъ стопъ; сама богиня счастья (лайме) обитала между людьми, распредѣляя между ними свои дары счастья. Тогда для Латышей, въ маломъ образѣ, былъ свой *золотой, идиллическій вѣкъ*.

Но съ тѣхъ поръ, какъ на Латышскую землю спустился злой рокъ—въ образѣ нѣмецкихъ рыцарей завоевателей, употребленіе Латышской пѣсни, равно какъ и всѣхъ другихъ поэтическихъ памятниковъ, стало уменьшаться. Это уменьшеніе всегда шло параллельно съ умноженіемъ, въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ, для Латышей сдѣлывающихся, тяжелыхъ историческихъ обстоятельствъ. И можно положительно сказать, что въ настоящее время, когда нѣмецкое господство надъ Латышами достигло зенита своего величія, едва ли одна тысячная доля сохранилась изъ того, чѣмъ такъ необъятно богата бы-

ла поэтическая старина Латышей. Теперь есть нѣтъности, гдѣ совершенно погибла Латышская пѣсня и другіе памятники. Нынѣ вообще большая рѣдкость услышать пѣніе древнихъ Латышскихъ пѣсней—на крестинахъ, сватбахъ, во время праздниковъ Рождества, Иванова дня (24 Іюня), во время производства и по окончаніи деревенскихъ работъ.

Если же гдѣ и живетъ еще нынѣ Латышская прародительская пѣсня и несомнѣнно еще потеряла свое прежнее уваженіе и почетъ, то это у тѣхъ *истыкъ* Латышей, у которыхъ жизнь сохранила еще часть своей первобытной простоты и которые еще не успѣли вкусить отъ плодовъ нѣмецкаго образованія. Здѣсь бывають случаи, когда еще какъ бы очутишься среди древней поэтической жизни Латыша: тихо и счастливо повѣтъ тогда на душу идиллическою стариною; тутъ услышишь, какъ иногда въ длинные зимніе вечера старухи, разсѣвшіеся полукругомъ съ своими прялками около слабо мерцающей лучины, для сокращенія времени, начнутъ разсказывать сказки, загадывать загадки, распѣвать хороши пѣсни своей старины. Здѣсь подчасъ еще встрѣтишь, хотя въ маломъ видѣ, то беззавѣтное веселье, то безъискусственное, но радушное угощеніе земледѣльца, чѣмъ такъ славился въ старину всякій Латышскій домъ—при отправленіи всякаго рода домашнихъ празднествъ, сватобъ, крестинъ, и т. под. Тутъ каждый живетъ своею полною жизнью: желающій пѣть—поетъ, желающій плясать—пляшетъ, желающій выпить—пьетъ вдоволь; всѣмъ просторъ и полная свобода; но при этомъ почти вовсе неизвѣстны пороки ослѣпленія, безчестія, ссоръ и т. под. Беспорядоч-

ныхъ явленій. Здѣсь только иногда можно быть счастливымъ свидѣтелемъ, какъ колыбля дѣвушки, возвращаясь вечеромъ съ поля работы, стройно запоютъ хороше прародительскую пѣсню, пѣсню, отъ которой поневадѣ заговоритъ въ дуплѣ, а мысль унесется въ далекую даль Латышской старины....

Разсматривая второй вопросъ, т. е., есть ли между Латышскими народными пѣснями — пѣсни историческія, должно дать, говоря вообще, отвѣтъ отрицательный. Выше было замѣчено, что самый цвѣтушій періодъ Латышской поэзіи несомнѣнно относится ко временамъ язычества. Но тогда Латыши жили совершенно патриархальною жизнью; отношенія этой жизни не выходили изъ круга домашнихъ требованій и обязанностей. Понятно, что и всѣ предметы, которыхъ въ это время касалось Латышское поэтическое чувство, не выходили изъ предѣловъ этого патриархальнаго, домашнего быта. Въ эту эпоху Латышской жизни могъ развиваться только одинъ родъ поэзіи — родъ поэзіи *мирической*, какъ плодъ непосредственнаго созерцанія природы и выраженія чувства, возбужденнаго и поэтически настроеннаго предметами этой юной, дѣвственной природы. Тѣ изъ немногихъ пѣсней, которыхъ, болѣе или менѣе, соответствуетъ характеръ историческій, относятся лишь къ тому общественному явленію жизни, что древніе Латыши *выдавали своихъ дочерей за Русскихъ, Литовцевъ, Пруссовъ и Поляковъ, и обратно — сами женились на ихъ дочеряхъ*. Кроме того, земли этихъ народовъ служили для Латышей мѣстомъ убѣжища отъ нѣмецкихъ преслѣдованій на родинѣ.

Далѣе этого предѣла Латышская ис-

торическая пѣсня не развивалась и впослѣдствіи. Но тутъ уже другая причина. Странно было бы утверждать, что древніе Латыши не обладали способностью къ самостоятельному развитію въ одно политическое цѣлое. Походъ въ страну Латышей великаго князя Владиміра въ концѣ X вѣка, первоначальный простой фактъ прибытія и поселенія нѣмецкихъ купцовъ у устья Западной Двины въ XII столѣтіи, частыя столкновения съ Литовцами, суть тѣ историческія явленія, которыя, при благопріятномъ исходѣ, могли бы дать рѣшительный толчокъ къ пробужденію въ древнихъ Латышахъ перваго объединяющаго политическаго сознанія. Но въ то время, когда едва упало на ихъ патриархальную почву это сѣмя новой исторической жизни, скромные нѣмецкіе купцы превратились въ страшныхъ завоевателей ихъ земли и свободы. Не обладая искусственными средствами защиты, Латыши не могли бороться съ этими опытными и искусными въ военномъ дѣлѣ рыцарями; время отъ времени, они все болѣе и болѣе поддавались подъ нѣмецкую власть и гнетъ; все самобытное и благородное въ ихъ душѣ должно было постепенно стынуть и гложуть; назначеніемъ ихъ жизни стало отсалѣ одно — исполнять велѣнія своихъ суровыхъ господъ, ходить для нихъ на войну, строить имъ замки, воздвигать города, и т. дал. А отсюда ясно, что при такомъ печальному исходѣ дѣла, не оставалось у древнихъ Латышей ничего такого, что могло бы побудить ихъ къ сохраненію въ своей памяти и къ прежнему передачѣ своимъ потомкамъ историческихъ событій. Да и какимъ утѣшеніемъ и радостью могли отзывать эти событія вѣчнаго страданія въ ихъ

истомленной душѣ?... Нѣтъ! То, что они видѣли вокругъ себя, что постоянно испытывали на себѣ, то имъ во-сто-кратъ легче было забыть и совсѣмъ изгладить изъ своей памяти!...

Разбирая послѣдній—третій вопросъ объ отличительныхъ свойствахъ Латышскагопоэтическаго генія, мы должны сказать, что геній этотъ чрезвычайно оригиналенъ и самобытенъ. Творя свою пѣсню, онъ не любитъ долго останавливаться надъ однимъ опредѣленнымъ предметомъ, чтобы въ строгой логической связи обставить его цѣлымъ рядомъ послѣдовательныхъ мыслей; онъ, такъ сказать, только касается его своимъ поэтическимъ дыханіемъ; онъ, на подобіе пчелы, скользитъ только на его поверхности и улетаётъ тотчасъ, какъ скоро сообщена ему частица его божественной жизни. Оттого-то всѣ Латышскія народныя пѣсни состоятъ почти исключительно изъ *четырёхстишии* (т. е. изъ четырехъ стиховъ). Но да не подумаютъ, что Латышскія пѣсни, состоящія, по преимуществу, какъ сказано, изъ четырёхстишии, составляютъ не болѣе, какъ *хаосъ* поэтическаго элемента, что Латышскій поэтическій геній своею быстро-проходящею лирою хотѣлъ не болѣе, какъ подразнить поэтически настроенное чувство Латыша? Такъ думать было бы весьма ошибочно, да это, наконецъ, противорѣчило бы самой природѣ творящаго генія вообще, который не можетъ не творить полно и развивать своей мысли до конца. Въ хаотическихъ, повидимому, произведеніяхъ Латышскаго поэтическаго генія всегда есть своя послѣдовательность и своя логика. Пусть не думаютъ, что Латышъ зацѣвъ о дубѣ, составивъ объ немъ одно четырёхстишіе, замолкаетъ, или немедленно

обратится къ другимъ, противокоженимъ дубу предметамъ, къ ястребу, зайцу, ржи, человѣку, солнцу и т. дал., улетѣть въ безконечность безсвязія и разнообразія предметовъ? Нѣтъ! Латышъ зацѣвъ о дубѣ, и онъ будетъ пѣть о немъ долго, продолжительно. Кончилъ онъ одно четырёхстишіе о томъ, что „у ясени есть жена, у клена есть жена, а у дуба только нѣтъ“, и оттого „дубъ наклоняется ко всѣмъ луговымъ окраинамъ“ (см. нашъ Сборникъ, стр. 30, пѣсня 2),—является второе четырёхстишіе, гдѣ описывается *пышии* *ростъ* дуба, встрѣчающаго, впрочемъ, на этомъ пути себѣ соперницу въ *лени*, „которая прельщаетъ дубъ“ (тамъ же, стр. 30, п. 3). За вторымъ четырёхстишіемъ слѣдуетъ третье, въ которомъ восхваляется способность дуба *пышии* *рости*, даже „въ топкомъ нѣствѣ“, такъ что „сама пчелка бросаетъ перекладину къ развѣсистому дубу“ (тамъ же, стр. 30, п. 4). Въ четвертомъ четырёхстишіи слышится замѣчаніе дубу за то, „зачѣмъ онъ растетъ въ долинѣ“? Ибо „свины, сплещія въ долинѣ, обнажаютъ его корень, а дѣвнцы, стоящія на горѣ, ломаютъ его вѣтви“ (тамъ же, стр. 30, п. 5). Конечно это четырёхстишіе, вдохновенное воображеніе народа рождаетъ новое, пятое четырёхстишіе, въ которомъ исчисляются еще причины—почему дубу нельзя рости въ долинѣ: ибо „черезъ него будутъ перелетать пчелы, мимо будутъ проходить пчеловоды“ (тамъ же, стр. 30, п. 6). И такъ далѣе... Какъ свѣтлые капли утренней росы, отражающія въ себѣ восходящее солнце, падаютъ съ языка поющаго народа все пѣсни и пѣсни... вотъ онъ льётся быстрымъ потокомъ, ширяется, разливаются въ цѣлое море, разра-

станутся въ одну величественную картину поэтическихъ образовъ о *дубѣ*. И эта картина есть одна живая мысль, одна широкая идея, поэтически сотканная въ одно цѣлое изъ безконечнаго множества разнообразныхъ, внутренно съ собою связанныхъ и ей подчиненныхъ, мыслей. — Совершенно такому же порядку слѣдуетъ развитіе пѣсни и обо всѣхъ другихъ предметахъ. — Думаемъ, что отсюда ясна для всякаго та мысль, что Латышскій поэтический гений отнюдь не обидѣлъ древняго Латина отсутствіемъ у него своеобразнаго единства, послѣдовательности, и, наконецъ, логики въ его поэтическихъ произведеніяхъ.

Изъ этого объясненія объ отличительныхъ свойствахъ Латышскаго поэтическаго гениа уже въ половинѣ становится яснымъ тотъ планъ, которому мы послѣдовали въ изложеніи собранныхъ нами пѣсенъ. Пѣсни однородныя, т. е. относящіяся къ одному предмету, напр. къ дубу, мы ставили въ одну группу, стараясь при этомъ расположить ихъ такъ, чтобы пѣсни, сходныя по мысли, даже по самому способу изложенія, стояли вмѣстѣ. Въ расположеніи второй части нашего плана, т. е. въ порядкѣ размѣщенія пяти большихъ отдѣловъ, изъ которыхъ состоитъ нашъ Сборникъ, мы приняли въ основаніе ту мысль, что человѣкъ сначала сознаетъ окружающую его *внѣшніе* предметы, а затѣмъ уже переходитъ къ сознанію предметовъ, образующихъ его *внутренній міръ*, *міръ мысли, сужденій, самосознанія*. Но когда человѣкъ достигнетъ высшей степени своего духовнаго развитія и самосознанія, тогда уже начинаютъ зарождаться и развиваться въ немъ

отвлеченныя и самыя высшія представленія о предметахъ *сверхчувственнаго міра*, или что то же — понятія о *божествѣ* и его *аттрибутахъ*. Принимая во вниманіе этотъ естественный процессъ человѣческаго развитія, равнымъ образомъ, желая расположить и самыя предметы природы въ той градациі, въ какой слѣдуетъ *постепенное пробужденіе и развитіе въ нихъ жизни*, — мы отнесли къ первому отдѣлу предметы изъ царства неорганическаго, во второму — предметы изъ царства растительнаго, къ третьему — предметы изъ царства животнаго, къ четвертому — самого *человѣка со всеми относящимися къ нему понятіями*, и наконецъ, къ пятому отдѣлу — предметы *сверхчувственнаго міра*. Къ этому послѣдному отдѣлу причислены нами и такіе предметы, которые сами по себѣ, хотя не имѣютъ въ себѣ ничего *отвлеченнаго, необыкновеннаго*, но въ понятіи древнихъ Латышей больше всего играли роль *божества*. Таковыя предметы слѣдующіе: *солнце, луна, утренняя и вечерняя звезды и громъ (пѣркюс)*.

Послѣ вышесказанныхъ свѣдѣній считаемъ нужнымъ остановиться на нашемъ переводѣ Латышскихъ пѣсенъ на русскій языкъ.

Во основаніи стихотворнаго размѣра Латышскихъ пѣсенъ, по свойству Латышскаго языка, требующаго ударенія на первомъ слогѣ въ каждомъ словѣ, лежитъ *хорей* и *дактиль*. Но тотъ и другой размѣръ рѣдко встрѣчаются въ ихъ чистомъ видѣ, т. е. такъ, чтобы известная пѣсня состояла или изъ од-

ного хорей или одного дактиля; большею частию они бывають перемѣшаны въ одной и той же пѣсни, даже въ одномъ и томъ же стихѣ.

Такъ, каждый стихъ пѣсни свободно читается по *хорею*, если онъ весь, или только частию, состоитъ изъ *двухсложныхъ* или *односложныхъ* словъ; но чтеніе по этому размѣру тотчасъ прекращается и переходитъ въ *дактиль*, какъ скоро въ стихѣ встрѣчаются слова *трехсложныхъ*, *четырёхсложныхъ* и т. дал. Беремъ для примѣра слѣдующую пѣсню:

Юрас-мате ман вайца:
— Ко дар' веці звейенъкі?
— Тиклус ада, айрес дразе;
То дар' веці звейенъкі! (1).

Здѣсь въ первомъ стихѣ первая два слова—*Юрас мате*, какъ слова *двухсложныхъ*, читаются по *хорею*; но слѣдующія два—*ман вайца*—уже по *дактилю*. Во второмъ стихѣ первая два слова—*ко дар'*, какъ слова *односложныхъ*, читаются по *хорею*; слѣдующее слово—*веці*—тоже; а *звейенъкі*—уже по *дактилю*. Третій стихъ весь читается по *хорею*, а четвертый стихъ—какъ второй. По этому образцу можетъ быть прочтена всякая другая пѣсня, безъ малѣйшаго опасенія погрѣшить противъ ударенія словъ.

Но кромѣ изложеннаго здѣсь способа чтенія Латшскихъ пѣсней по двумъ размѣрамъ, т. е. хорей и дактилю—въ различныхъ ихъ сочетаніяхъ, есть еще другой способъ: онъ состоитъ въ употребленіи *одного дактиля*. Но только дактиль въ настоящемъ случаѣ выходитъ *смѣшанный*, т. е. *правильный* и

неправильный. Неправильность его (опять такъ вызываемая особымъ свойствомъ Латшскаго слоударенія) состоитъ въ томъ, что въ каждой стопѣ, вмѣсто обычныхъ *трехъ словъ*—перваго *длиннаго* и двухъ *короткихъ*, употребляются *четыре* (весьма рѣдко *пять*) слога—первый *длинный*, а слѣдующіе три *короткіе*. Подъ размѣръ этого смѣшаннаго дактиля подходятъ всѣ Латшскія пѣсни. Превосходство его предъ двумя вышепомянутыми размѣрами заключается въ томъ, что при чтеніи слышится больше *пластности*, *легкости*, *пріятности для уха*; кромѣ того, при этого рода чтеніи какъ бы ощущается нѣкоторое сходство съ чтеніемъ русскихъ народныхъ пѣсней, размѣромъ для которыхъ, какъ извѣстно, служитъ удареніе гласомъ на слова, заключающія въ себѣ главный смыслъ рѣчи.

Такимъ образомъ, по разсматриваемому способу вышеприведенная пѣсня—*Юрас-мате* и проч., вся читается по неправильному двухстопному *дактилю*. А слѣдующая пѣсня:

Эс савам балиням
Пар ушті сѣву веду,—
Лай палика ушті
Вісас ляжу валодіяс (2),—

читается по *смѣшанному дактилю*—такимъ образомъ: первый стихъ весь—по дактилю *правильному*; второй стихъ также весь—по дактилю *неправильному*; въ третьемъ стихѣ первая два слова—*Лай палика*—по дактилю *неправильному*, а послѣднее слово—*ушті*—по дактилю *правильному*; четвертый стихъ весь, какъ и второй,—по дактилю *неправильному*.

(1) См. нашъ Сборникъ, стр. 2, пѣсня 2.

(2) См. тамъ же, стр. 7, пѣсня 7.

Подобный образъ весьма легко читается и воѣ прочія пѣсни (1).

Возвращаясь отсюда опять собственно къ переводу Латышскихъ пѣсенъ на русскій языкъ, мы считаемъ нужнымъ обратить вниманіе читателей, прежде всего, на слѣдующее замѣчательное явленіе.

Въ глубокую старину, когда (въ чемъ нѣтъ сомнѣнія) составлена большая часть Латышскихъ пѣсенъ, Латыши, какъ вслѣдствіе другой патріархальный народъ, не знали ни какихъ строгихъ грамматическихъ правилъ и опредѣленныхъ формъ мысленія; мысли и чувства ихъ выражались въ самыхъ естественныхъ, игривыхъ формахъ и оригинальныхъ сочетаніяхъ. Древнее Латышское поэтическое міросозерцаніе, главнѣйшимъ образомъ, выражалось въ формѣ *прошедшаго времени*, которую, однакожъ, въ чрезвычайномъ множествѣ случаевъ соотвѣтствуетъ *настоящее*, *верѣде* и *будущее* время. Этого, по видимому, странный пріемъ міросозерцанія, безъ сомнѣнія, вызывало господствовавшее надъ другими способностями души чувство древняго Латыша, чувство, для котораго всякое дѣйствіе, въ формѣ *прошедшаго*, *совершившагося*, гораздо легче, *нагляднѣе* и *удобнѣе* представлять, чѣмъ въ формѣ *настоящаго*, только еще *совершающа-*

юся, или въ формѣ *будущаго*, только еще *имѣющаго совершиться*. Вотъ почему въ такомъ изобиліи въ Латышскихъ пѣсняхъ разсѣяно прошедшее время и весьма часто совершенно въ тождественномъ значеніи переплетено съ настоящимъ и будущимъ временами и съ повелительнымъ наклоненіемъ. Объяснимъ все это примѣрами. Возьмемъ, во первыхъ, пѣсни того разряда, гдѣ *есть* глаголы—*прошедшаго* времени, и гдѣ, какъ указано выше, чувствуется настоятельная необходимость передать ихъ въ переводѣ *настоящимъ* временемъ. Для примѣра беремъ пѣсню о папоротникѣ (2), которая въ подлинникѣ читается такъ:

Віса зѣлс нозѣдея,
Папардѣте вѣн не зѣде;
Папардѣте нозѣдея
Паша Яню вакара.

Здѣсь глаголъ—*нозѣдет*, *зѣдет*—*отцвѣсти*, *цвѣсти*—вездѣ употребленъ въ формѣ *прошедшаго* времени; поэтому, если въ переводѣ сохранить эту форму, то получится слѣдующій—*буквальный*, но *несообразный* переводъ:

Всякая трава отцвѣтала (или цвѣла)
Не цвѣлъ только папоротникъ;
Папоротникъ отцвѣталъ (или цвѣлъ)
Въ самый Ивановъ вечеръ.

Ясно, что тутъ дѣло идетъ не о *совершившемся* дѣйствіи цвѣтенія папорот-

(1) Высказавъ здѣсь наши замѣчанія касательно стихотворнаго размѣра въ Латышскихъ пѣсняхъ, мы отнюдь не утверждаемъ той мысли, будто Латышскій народъ—творецъ этихъ пѣсенъ, *сознательно* слѣдовалъ которому либо изъ вышеуказанныхъ нами размѣровъ (такое сознаніе невозможно ни у одного младенствующаго народа, слѣдовательно и у древнихъ Латышей); нашими замѣчаніями мы хотѣли указать только на то, чему, по нашему мнѣнію, *безсознательно*, въ *силу особенного свойства Латышскаго слоюдаренія*, слѣдовали древніе творцы Латышскихъ пѣсенъ. Мы охотно допускаемъ и ту мысль, что, быть можетъ, послѣ насъ другіе откроютъ болѣе ясныя и опредѣленные законы, которымъ подчинялся размѣръ древняго Латышскаго стихосложенія.

(2) См. нашъ Сборн., стр. 55.

никъ, а о превращеніи его вообще, чему уже соответствуютъ форма *настоящаго* времени; поэтому, ни мало не опасаясь погрѣшить противъ истины смысла въ разсматриваемой пѣснѣ, мы употребили для нея другой, болѣе сообразный переводъ, который читатель и найдетъ въ нашемъ Сборникѣ.

Подобнымъ же образомъ переведены нами и всѣ прочія пѣсни этого разряда (1). По причинѣ ихъ весьма значительнаго количества въ нашемъ Сборникѣ (не менѣе 200), не приводимъ ихъ цитаты.

Теперь слѣдуетъ другой родъ пѣсенъ, гдѣ *прошедшее* время, стоящее въ непосредственной связи съ настоящимъ и будущимъ временами, и повелительнымъ наклоненіемъ, должно быть передано въ переводѣ *настоящимъ* временемъ. Для объясненія беремъ слѣдующій примѣръ: пѣсня о травѣ-метелкѣ (2).

Кура смѣла купла ауга,
Таі расія ілігі стѣв;
Кура мейта грязна гѣя,
Та—атрайша лигавія.

Здѣсь въ первомъ стихѣ глаголѣ—*аугт*—*расти*—стоитъ въ прошедшемъ времени; во второмъ стихѣ—*стѣвот*—*стоять, держаться*,— въ настоящемъ времени; въ третьемъ стихѣ—*пт*—*ид-*

ти—*идти* въ прошедшемъ времени; въ четвертомъ же—*пелгѣнемъ* стихѣ глаголѣ—*бѣт*—*быть*, въ видѣ скрытой связи, стоитъ въ будущемъ времени. Вотъ каковъ былъ бы переводъ этой пѣсни, если бы сохранили подлинную форму обозначенныхъ здѣсь глаголовъ:

Которая метелка пушисто росла,
На той долго стоитъ роса;
Которая дѣвица гордо ходила,
Та (будетъ) суженая вдовца.

Очевидно, что тутъ самый смыслъ рѣчи требуетъ превращенія двухъ *прошедшихъ* временъ въ *настоящее* время, какъ это и сдѣлали мы въ Сборникѣ.

Еще примѣръ въ этомъ же родѣ:

Стайга лѣны, бѣлелінь,
Па лѣпая ланіамъ:
Тур гулея тауту мейта,
Айз абелес, лѣпая (8).

Вуквальный переводъ этой пѣсни:

Ходи тихонько, братецъ,
По листикамъ липняка:
Тамъ спала суженая,
За яблонью, въ липнякѣ.

Опять ясно, что тутъ форма прошедшаго времени глагола „спала“ должна быть передана въ переводѣ настоящимъ временемъ, и тогда эту пѣсню будемъ читать въ такой, осмысленной формѣ:

(1) При этомъ не можемъ не сдѣлать замѣчанія, что часто весьма трудно рѣшить: слѣдуетъ ли при переводѣ, въ данномъ случаѣ, вездѣ прибѣгать къ *настоящему* времени, или сохранить форму глаголовъ подлинника? Тутъ могутъ быть колебанія. Знакомые съ Латвійскимъ языкомъ замѣтятъ ихъ въ нашемъ переводѣ. Дѣйствительно, во многихъ пѣсняхъ (число которыхъ также не менѣе 200) разсматриваемаго рода нами удержана форма глаголовъ подлинника, хотя, безъ ущерба смыслу рѣчи, она могла бы быть передана также *настоящимъ* временемъ. Но колебанія совершенно естественное явленіе тамъ, гдѣ нѣтъ еще никакихъ научныхъ руководящихъ правилъ, гдѣ нѣтъ еще никакого научнаго критеріума, и гдѣ единственнымъ руководствомъ служить нова одно *непосредственное ощущеніе*...

(2) См. нашъ Сборн., стр. 55, пѣсня 1.

(3) См. тамъ же, стр. 38, пѣсня 29.

Ходи, братецъ, тихонько
По листикамъ липняка:
На нихъ спитъ суженая,
За яблонью, въ липнякъ.

Пѣсенъ этого рода, гдѣ *прошедшее* время, сливался съ настоящимъ и будущимъ временами, и повелительнымъ наклоненіемъ, переведено *настоящимъ*, — въ нашомъ Сборникѣ чрезвычайно много, такъ что ихъ можно встрѣтить, даже во нѣсколько разъ, на каждой страницѣ; но этой причинѣ цитировать ихъ всѣхъ нѣтъ никакой возможности.

Есть въ нашомъ Сборникѣ нѣсколько десятковъ и тамъ нѣсколь, гдѣ *прошедшее* время, стоящее въ связи съ различными временами, должно быть передано въ переводѣ *будущимъ* временемъ. Приведемъ пригѣръ:

Аукле мейту, мѣшалъинь,
Мет дѣлію пасолѣ:
Дривак мейта малті гѣя,
Не дѣлія лгавіня (1).

Здѣсь въ первомъ стихѣ глаголѣ — *ауклет* — *убаюкиваетъ*, *роститъ*, *воспитываетъ*, — а во второмъ — *мет* — *бросать*, — употребленъ въ повелительномъ наклоненіи; но въ третьемъ стихѣ глаголѣ — *мет* — *идти* — стоитъ въ прошедшемъ времени. Если бы сохранивъ въ переводѣ эту послѣднюю форму глагола, то мы получили бы слѣдующій несообразный переводъ разбираемой пѣсни, а именно:

Убаюкивай дочку, матушка,
Бросай сына подъ скамью:
Дочка скорѣе ходила молоть,
Чѣмъ молодая невѣстка.

Ясно, что, по ходу мысли, глаголѣ въ двухъ послѣднихъ стихахъ долженъ

быть переведенъ будущимъ временемъ, какъ это и сдѣлано нами.

Встрѣчаются въ нашомъ Сборникѣ еще особаго рода пѣсни, гдѣ *настоящее* время, по ходу рѣчи, необходимо перевести *прошедшимъ*.

Выведемъ пригѣръ:

Мейтас, дусму не турат,
Эс то тиші не дарію:
Кумеліньс, данцодамс,
Влец рѣжу дѣрзіня (2).

Здѣсь въ первомъ стихѣ глаголѣ — *турет* — *держатъ* — стоитъ въ повелительномъ наклоненіи; во второмъ стихѣ — *дарит* — *дѣлать* — въ прошедшемъ времени; въ третьемъ стихѣ — *данцот* — *мѣсятъ* — въ настоящемъ причастіи; въ четвертомъ стихѣ — *валет* — *оскочитъ* — въ настоящемъ времени.

Удержавъ настоящія формы глаголовъ *подлинника*, мы получили бы слѣдующій буквальный, но несообразный переводъ:

Не гнѣвайтесь, дѣвцы,
Я сдѣлалъ это нечаянно:
Мой конь игралъ,
Вскакиваетъ въ вашъ розовый
цвѣтникъ.

Ясно, что тутъ, въ послѣднемъ стихѣ, форму глагола „*вскакиваетъ*“ необходимо замѣнить формой *прошедшаго* времени — „*вскочилъ*“, какъ это и найдеть читатель въ нашомъ Сборникѣ.

Въ заключеніе упомянемъ еще о тѣхъ, впрочемъ, весьма немногихъ пѣсняхъ нашего Сборника, гдѣ, по ходу рѣчи, *настоящее* время необходимо перевести *будущимъ*. Приведемъ слѣдующій пригѣръ:

(1) См. нашъ Сборникъ, стр. 140, пѣсня 39.

(2) См. тамъ же, стр. 120, пѣсня 29.

Ше на́дѣт, ба́леліны,
 Ше ма́сіню ѣде́м;
 Ше ір вѣна купла лѣпа,
 Ше кара́м ѣмавінюс.

Здѣсь въ первомъ стихѣ глаголь—*на́кт*—*приходитъ*—употребленъ въ повелительномъ наклоненіи; во второмъ—*па́дот*—*отдать*—въ прошедшемъ времени; въ третьемъ—*бу́т*—*бытъ*—въ настоящемъ времени; въ четвертомъ—*ка́рт*—*вѣситъ*—тоже въ настоящемъ времени. Сохраняя всѣ настоящія формы глаголовъ, мы получимъ слѣдующій несообразный переводъ:

Сюда идите, братья,
 Сюда мы отдали сестрицу;
 Здѣсь—густолиственная липа,
 Здѣсь вѣсимъ (или—развѣшива-
 емъ) увды.

Ясно, что, по ходу рѣчи, глаголь въ послѣднемъ стихѣ долженъ быть превращенъ при переводѣ въ *будущее* время, какъ это и сдѣлано въ Сборникѣ.

Этими главнѣйшими примѣчаніями мы и окончимъ наши замѣтки о нашемъ переводѣ пѣсенъ.

Все доселѣ сказанное въ предисловіи къ нашему Сборнику пѣсенъ, есть, такъ сказать, только *общее*, объясняющее, главнѣйшимъ образомъ, историческую судьбу памятниковъ Латышскаго творчества, духъ и особенности Латышскаго поэтическаго гонія. Но читатель ожидаетъ большаго; ему хотѣлось бы видѣть въ нашемъ введеніи подробное изложеніе содержанія пѣсенъ, имѣть предъ глазами, такъ сказать, живую картину, въ которой яркими красками отобразилась бы вся жизнь древняго и современнаго Латыша—такъ, какъ она рисуется въ пѣсняхъ. Помимо этого, читателю пріятно было бы видѣть нашъ Сборникъ обставленный учеными при-

мѣчаніями и объясненіями. Все это такъ! Мы исполнѣ это понимаемъ и совершенно съ этимъ согласны. Скажемъ даже больше: это было нашимъ непремѣннымъ желаніемъ еще въ то время, когда мы только-что приступали къ изданію настоящаго Сборника. Тогда нами даже было написано значительное число довольно обширныхъ примѣчаній, въ которыхъ, главнѣйшимъ образомъ, объяснялись тѣ народныя обычаи и нравы, на которые встрѣчаются указанія въ пѣсняхъ. Но большой запасъ матеріала, опасеніе, что пространное введеніе съ примѣчаніями въ самомъ тогѣ пѣсенъ, слишкомъ распространитъ изданіе, превышающее наши силы и матеріальныя средства,—все это побудило насъ издать нашъ Сборникъ въ настоящемъ его скромномъ видѣ.

Въ заключеніе мы должны сдѣлать нѣсколько оговорокъ.

На страницѣ 73 Сборника, по поводу словъ пѣсни: „Я увидѣлъ большаго сына“, сдѣлано слѣдующее примѣчаніе: „т. е. сына *перуна*. См. подробное объясненіе въ предисловіи, отд. V“. На это примѣчаніе сдѣлано еще съ десятковъ ссылокъ тамъ, гдѣ, до V отдѣла, встрѣчаются слова: „богъ“, „божьи сыновья“. Придавая всѣмъ этимъ понятіямъ (т. е., „богъ“, „божьи сыновья“) вообще значеніе мифологическое, мы просимъ читателей, при встрѣчѣ съ приведеннымъ примѣчаніемъ, равно и при ссылкахъ на него, имѣть въ виду вышеназванное наше объясненіе касательно отсутствія подробнаго введенія.

Равнымъ образомъ, предвараемъ читателей, чтобы они не искали въ нашемъ Сборникѣ строгаго соотвѣтствія предметовъ тѣмъ рубрикамъ, по которымъ они расположены; такого строгаго соот-